

ОЦЕНОЧНОСТЬ ИРОНИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ

Ирония исследуется в аспекте оценочного смыслообразования как результат концептуальной интеграции двух типов знания: буквального, выраженного в высказывании, и того, к которому оно отсылает. Исходя из этого выделяются два типа иронических высказываний: основанных на текстовой и дискурсивной некогерентности, которая признается основополагающим свойством иронических смыслов.

Ключевые слова: ирония, оценка, некогерентность, оценочный смысл, имплицитность.

Рассмотрение иронии в различных аспектах: от тропа, заключающегося в противоречии между буквальным и скрытым смыслом, до концептуальной категории, связанной со структурой всего художественного текста и позволяющей автору имплицитно передать свое отношение к изображаемому, достаточно широко представлено в современных лингвистических, литературоведческих, культурологических исследованиях (см., например, работы И.Р. Гальперина, С.И. Походня, Е.М. Кагановской, Ю.В. Каменской, В.М. Пивоева, А.В. Сергиенко, Н.Я. Берковского, Ю.Н. Мухиной, Т.Ф. Лимаревой, К.М. Шилихиной и др.). Не ставя перед собой задачи анализа представленных точек зрения на иронию, отметим лишь многогранность ее проявления в зависимости от аспекта рассмотрения. Ирония рассматривалась и как разновидность комического (в эстетике), и как стилистический троп или фигура двусмысленной речи (в стилистике), как тип косвенной речи, относящийся к аффективам (D. Amante), как коммуникативная импликатура (H.P. Grice) и иллокутивная функция высказывания (H. Naverkate) (в теории речевых актов). Сегодня ирония рассматривается и с культурологических позиций – как инструмент обновления ценностной картины мира (В.М. Пивоев), в дискурсивном аспекте – как результат намеренного нарушения принципов лексической и семантической организации текста (К.М. Шилихина), с позиций глубинной семантики – как смысловая структура с перевернутыми причинно-следственными отношениями (О.П. Ермакова), в художественном тексте – как компонент идиостиля писателя (Ю.В. Каменская, О.Г. Петрова). Многоаспектность и глобальность присутствия иронии в художественной и всех других видах коммуникации приви-

ли в итоге к закреплению за иронией статуса общеэстетической и общесемиотической категории как части более широких категорий комического и иносказательного.

Ирония может быть рассмотрена и в аспекте понимания, предполагающем когнитивный подход к исследованию явлений языка и речи, а именно как иронический смысл, формирующийся на основе разноуровневых средств языка и в их взаимосвязи с внетекстовой информацией. Появление терминов «иронический смысл», «ироническая модальность», «иронический модус» было обусловлено сформировавшимся в конце XX века подходом к иронии как к элементу мировоззрения, «как элементу сознания и жизнедеятельности человека, форме проявления бытия, снятой в виде особой иронической картины мира» [1, с. 170], а также признанием за ней категориального статуса в художественном тексте. Исследователи иронии, преодолев, в конце концов, ограниченность техноцентрического подхода к языку, обратились к параметрам, связанным с человеком и составляющим ядро ее понятийного объема: к оценочности, эмоциональной окрашенности, смыслу.

В данной статье ирония рассматривается в когнитивно-дискурсивном аспекте как результат концептуальной интеграции (в широком смысле) имеющегося знания, как в рамках семантики текста, так и шире, как результат интеграции текстовой семантики и дискурсивного знания. Наше обращение к иронии в аспекте оценочного смыслообразования мотивировано тем положением, что смысл иронический есть всегда смысл оценочный, обладающий, впрочем, своими особенностями формирования, выявление которых и составляют задачу дальнейшего исследования. При этом в поле нашего рас-

смотрения находятся иронические высказывания непрототипического¹ характера.

Иронические высказывания непрототипического характера представляют собой большей частью сверхфразовые единства, оценочный (иронический) смысл которых имеет имплицитный статус. Несмотря на это, и прототипические, и непрототипические представляют собой явления одной природы. Их имманентным признаком является «оценка людей, событий и ситуаций с точки зрения их соответствия принятой в обществе системе ценностей и норм» [1, с. 173] (выд. нами). В основе иронического восприятия и изображения действительности лежит их ценностно-нормативная интерпретация. Несоответствие реальности существующим ценностям и нормам² рождает критическое к ней отношение, лежащее в основе любых форм проявления иронии, что позволяет говорить о ее оценочно-социальной функции (*evaluativ-soziale Funktion* [5, с. 123]). Кроме того это несоответствие затрагивает личностное пространство говорящего, входит в большей или меньшей степени в круг его личной пристрастности, вызывает определенное эмоциональное отношение, что предопределяет в итоге эмотивность иронических высказываний. Учитывая эти обстоятельства, делается вывод, что «ирония тяготеет к отрицательному полюсу оценочной шкалы и к негативной зоне эмоционального спектра» [1, с. 173].

Оценочный смысл иронических высказываний формируется на основе такого (доминантного) свойства иронии, как алогичность, обозначаемого также как аномальность, парадоксальность [1, с. 177], семантическая некогерентность [Кашкин и др., 2013], семантическое несогласование [4, с. 158]. Это свойство характеризует отношение между двумя типами знания – того, что выражено в прямых значениях слов и выражений, и того, к которому отсылает контекст высказывания. Иронические выражения отсылают к некоторому фоновому знанию, которое необходимо для понимания истинного

смысла сказанного³. Составляющие смыслового пространства иронии вступают, образно выражаясь, в конфликт, в когнитивный диссонанс, представляя собой смысл и контр-смысл. Буквальный смысл может вступать в конфликт с семантической, прагматической или дискурсивной когерентностью текста. Преодоление этого конфликта ведет к формированию иронического смысла и пониманию эмоционально-оценочного отношения говорящего. Ирония напрямую связана с рефлексией (даже в ее самых простых вариантах), необходимой для преодоления составляющего ее основу разногласия смыслов, в результате чего она (ирония) приобретает новое качество (что отличает ее от лжи). В этом – вся диалектика иронических смыслов, о которой в свое время говорил и Шлегель, определяя диалектичность иронии как противопоставление конечности и бесконечности, самосозидания и самоуничтожения.

Столкновение в иронии двух смыслов является причиной ее двуплановости (амбивалентности), предопределяющей имплицитность истинного смысла. Эта двусмысленность, однако, всегда интенциональна. Обращение к ироническому способу выражения обусловлено желанием говорящего высказать одну точку зрения за вуалью другой и при этом быть понятым. Но этим желанием не исчерпывается интенциональность иронии. Иносказание не является здесь самоцелью, ирония говорящего выходит за пределы языка, она направлена на объект иронии с целью, оказать на него определенное воздействие – высмеять, уколоть, подшутить, смягчить критический тон и т. д. Нюансы перлокутивного эффекта иронии могут быть очень тонкими. Поэтому, рассматривая иронию, следует говорить скорее не о двуплановости, а о многоплановости смысла, или о его «многовекторности» [1, с. 173], если забыть при этом о (столь долго и настойчиво внушаемой) необходимости разделять семантику и прагматику (собственно и в том, и в другом случае мы говорим о значении). Ироническое высказыва-

¹К прототипическому типу иронии относятся высказывания, смысл которых интерпретируется по принципу «от противоположного», их пропозициональная структура содержит положительную оценку, выражаемую на семантическом уровне оценочными предикатами: *Хорош герой! Ну ты молодец! Ну и красавица!* и т. п.

² Это позволяет некоторым ученым утверждать связь иронии с деонтической оценкой [2, с. 103].

³ Одним из первых на релевантность экстралингвистической информации (т.е. знаний о мире, о контексте, о конкретной ситуации и т. д.), без которой невозможно восприятие иронии указал австралийский лингвист Михаэль Клайн в своей работе «Некоторые размышления по поводу лингвистики иронии» [3].

ние не ограничено выражением оценки или точки зрения говорящего об объекте речи, оно, преодолевая границы семантики, указывает и на другие параметры, прежде всего параметры говорящего: на его эмоционально-психическое состояние, отношение к общественным ценностям, а также на его взаимоотношения с объектом иронии – на суть и степень конфликта. При этом, как тонко подмечает М. Хартунг [4, с. 165], желание говорящего представить свою перспективу видения сопровождается желанием быть понятым, не только в смысле семантики, а в смысле быть принятым слушающими (читающими), то есть желанием утвердиться в общественно значимой системе ценностей. Именно поэтому все попытки свести описание смысла иронического высказывания к описанию его пропозициональной структуры по принципу «от противного» не могли увенчаться успехом. Ирония не может представлять собой чисто языковое явление, поскольку она вписана и в ценностную систему индивида и шире – в ментальность и систему ценностей общества.

Еще одна особенность иронического смысла, о которой следует сказать, заключается в его комическом эффекте. Трактовка иронии как вида комического восходит, как известно, к эстетике классицизма, в рамках которой ирония понималась как атрибут комического, как один из приемов смеховой критики в сатире, хотя на веселящее воздействие иронии указывали и античные риторика (признавая, однако, вторичность этой функции). Собственно и этимология самого имени ирония, имеющего в греческом (*eironia*) значение «скрытая насмешка», подтверждает эту связь со смехом. Комичность иронического смысла может быть большей или меньшей, но она всегда сопровождает иронию (ирония потенциально комична), и это обусловлено ее основным свойством – алогичностью, абсурдностью изображаемой ситуации в ее отношении к реальности.

Предпринятый нами анализ иронических высказываний (принадлежащих текстам современной немецкоязычной художественной прозы) на предмет реализации в них оценочного отношения говорящего позволяют утверждать в качестве основы оценочного смыслообразования несовместимость, или некогерентность двух типов – текстовую, возникающую в рамках высказывания или сверхфразового единства как

противопоставление двух видов знания, представленных в самом тексте, и дискурсивную как противопоставление знания текстового, то есть семантики высказывания и знания дискурсивного, внетекстового.

Несовместимость, или некогерентность смыслов является обязательным условием иронического высказывания, так как без осознания противоречивости представленной в высказывании информации оно не может быть признано ироническим.

Рассмотрим более подробно особенности иронического смыслообразования на основе текстовой некогерентности.

Некогерентность такого рода может возникнуть в результате противоречивости и даже абсурдности двух представлений, относящихся к одному и тому же референту:

(1) „*Marcel hat recht: ihre <der Amerikaner> falsche Gesundheit, ihre Weiber, die nicht zugeben können, daß sie älter werden, <...>, ihr Präsident, der auf jeder Titelseite lachen muß wie ein rosiges Baby, sonst wählen sie ihn nicht wieder, <...>*“ (M. Frisch, Homo faber, p. 177)

(2) „*Jadoch, Jubel ist uns erlaubt, denn der kommende, „der emanzipierte Mann“, wie ich ihn nenne, wird frei sein. Frei für Muße.*“ (G. Grass, Mein Jahrhundert, p. 369)

(3) „*Vorerst hielt ich fest, <...>, blickte sie an, blickte dann, da sie unentwegt den uralten schablonenhaften Volksschullehrerinnenanblick gewährte, durch sie hindurch, fand im Inneren des Fräulein Spollenhauer Erzählenswertes genug für drei unmoralische Kapitel, riss mich aber, da es um meine Trommel ging, von ihrem Innenleben los <...>*“ (G. Grass, Die Blechtrommel, p. 59)

В приведенных текстовых фрагментах иронический смысл рождается в результате сопоставления несопоставимого – двух противоречивых в своей основе представлений: в (1) это образ президента и розовощекого младенца, во (2) – образ мужчины и его эволюционирующий (после введения возможности клонировать детей) образец – эмансипированный мужчина, в (3) – шаблонный образ школьной учительницы и реальный, наполненный аморальным содержанием. Данные образы актуализируют в сознании читателя определенное знание: первые образы в представленных парах связаны со стереотипным знанием о предмете референции (взрослый, серьезный в (1), мужественный во (2), порядочный в (3)), которое

вступает в полное противоречие со знанием, актуализируемым вторым образом (младенческий возраст (1), эмансипированность как качество независимой от мужчины женщины (2) и аморальность (3)). Когнитивный диссонанс, или алогичность устанавливаемой автором связи рождает иронию как авторскую усмешку, как его критическое (отрицательное) отношение к объекту описания, сопровождающееся во всех трех случаях высокой степенью комичности. Ярко выраженный комический эффект этих высказываний обусловлен выбором образов, который в свою очередь объясняется эмоциональным отношением автора к объекту изображения (последнее эксплицируется как на основе используемых образов второго плана, так и более широкого контекста). Это презрение в (1), недоумение во (2) и легкое презрение и чувство превосходства в (3). На языковом уровне эмотивность реализуется через употребление таких стилистических средств, как сравнение (1), оксюморон (2), гипербололизация (3).

Эксплицировать оценку в иронических высказываниях как семантическое содержание (определить ценностный признак, приписываемый объекту) достаточно сложно: ненормальная для президента детская радость, как признак недалекости (?), чрезмерного оптимизма (?); аномальное для сути мужчины качество эмансипированности, как отсутствие всякой ответственности за женщину и детей; противоречащая сути школьной учительницы аморальность. Любая экспликация оценки в иронических высказываниях ведет к обеднению ее смыслового содержания, поскольку она слита здесь с целостным смыслом, а определение того знания, которое актуализируется при восприятии иронического высказывания, показывает, насколько комплексным может быть этот когнитивный фон. Эти находящиеся в многослойной связи знания и генерируют смысл иронического высказывания. Именно поэтому ироническое высказывание невозможно перефразировать (что, собственно, стало препятствием в попытках ученых отнести иронию к типу косвенных речевых актов), смысл его до конца не исчерпаем и, следовательно, до конца не определяем. В данном случае скорее следует говорить о смысловом пространстве, которое актуализируется ироническим высказыванием, и которое не имеет четко очерченных границ, уходя в бесконечность рефлексии. Собственно в этом и состоит особое

воздействие иронии – ее эстетическое начало.

К текстовой некогерентности относится возникающее на основе семантики лексических единиц противоречие по отношению к имеющемуся знанию универсального характера о существующем положении дел:

(4) „*Wenn der Koljaiczek nicht hier war, musste Koljaiczek in Bissau sein. Feldgendarmen kennen immer nur zwei Möglichkeiten.*“ (G. Grass, Die Blechtrommel, p. 15)

(5) „*Frau Ascher zwinkerte mir ganz kurz zu – von da ab mochte ich sie endgültig –, und Rindlisbacher, der sehr wohl fühlte, dass Spettel seinen Brustwandarterien-Bypass als höherwertig einstufte als seinen, Rindlisbachers, Beinvenen-Bypass, übertrumpfte Spettel mit der Erklärung, daß seine Operation offenbar komplizierter gewesen sei als Spettels Operation, da sie gut dreieinhalb Stunden gedauert hat.*“ (M. Werner, Bis bald, p. 160)

(6) „*Herr Remarque lachte seinem Gegenüber ins Gesicht: „Ach was; Jünger! Sie reden daher, wie ein Herrenreiter. <...> Mag sein: Furcht kannten sie <die Soldaten> kaum noch. Aber die Todesangst war immer da. Was sie konnten? Karten spielen, fluchen, sich breitbeinig liegende Frauen ausmalen und Krieg führen, also auf Befehl morden. Auch Fachwissen war da: über die Vorzüge des Feldspatens im Vergleich mit dem Seitengewehr ließ sich reden, weil man mit dem Spalten nicht nur unter Kinn stoßen, sondern mit größter Wucht zuschlagen konnte, etwa schräg zwischen Hals und Schulter.*“ (G. Grass, Mein Jahrhundert, p. 61)

Наиболее простой способ интерпретации иронического смысла представляет собой пример (4). Здесь существующее у каждого человека знание о том, что в реальности ситуации могут быть представлены неограниченным количеством возможностей или вариантов, вступает в противоречие с характеристикой жандармов, знающих, по мнению автора, лишь две возможности. Простота интерпретации самого знания позволяет достаточно легко эксплицировать оценку: ценностным признаком, приписываемым жандармам, является их интеллектуальная ограниченность. Простота интерпретации не лишает, однако, это высказывание прагматического воздействия иронического смысла – комичности представленных образов и выраженного через них чувства легкого пренебрежения.

В (5) текстовая несовместимость касается знания универсального характера о том, что болезни не могут быть достоинством человека (болезни героев повествования выделены), и описанного в тексте отношения героев к ним как к достоинству, что на семантическом уровне реализуется через лексемы *hoherwertig einstufen* и *ubertrumpfen*. Возникающий на основе этого несогласования иронический смысл и оценка героев также сопровождаются комичностью ситуации, но смех этот скорее снисходителен, нежели язвительен, что объясняется отношением рассказчика к изображаемым героям как к находящимся не совсем в здравом уме взрослым детям.

Эмотивность совершенно иного типа реализуется в текстовом фрагменте (6), где ирония является результатом текстовой некогерентности, выражающейся в противопоставлении того знания (в данном случае лексического значения), которое стоит за словом *Fachwissen* (профессиональные, специальные знания) и того описания, которым автор поясняет, что он имеет в данном случае в виду, говоря о знаниях солдат: это знание касается преимуществ малой (саперной) лопаты по сравнению со штыком ... в процессе убивания и как таковое с трудом сопоставляется у читателя с представлением о специального или профессионального рода знаниях. Легкая усмешка, сопровождающая первые строчки описания, исчезает, как только речь заходит о подробностях убийства людей. Авторская ирония связана здесь с гораздо более сложным эмоциональным состоянием, нежели в предыдущих текстовых фрагментах, и эксплицируется более широким контекстом: говорящий (Э.М. Ремарк), осуждающий всякие проявления войны, полемизирует в данной главе романа с Юнкером, восторженно отзывающимся о войне и ее действующих лицах. Ирония говорящего направлена на оппонента в споре и вызвана его (авторским) неодобрением и даже осуждением всякого проявления восторженности по отношению к войне. Говорящий отказывает солдатам в каком бы то ни было качестве, заслуживающим уважения, нивелируя в их случае понятие *Fachwissen*.

Анализ показывает, что комический потенциал, которым обладает ироническое выражение, может реализоваться самым различным образом. Контекстуальная / ситуативная обус-

ловленность воздействия характеризует все высказывания с комическим потенциалом (ситуативные рамки влияют в такой степени на восприятие комического, что в одном случае удачная острота может вызывать бурю смеха, а в другой закончиться ничем). В споре (который имеет место быть в ситуации (6) осмеяние противника, безусловно, является важным сопутствующим эффектом иронической оценки, но напряженное эмоциональное состояние не позволяет смеяться самому говорящему. Целевая направленность иронии является важным фактором изменения комического потенциала: там, где говорящий, уверенный в принятии своей точки зрения другими, смеется над внешним объектом, дистанцируясь от него, едва ли что-то мешает реализации комического, но как только кто-то из участников иронии (как речевого действия) оказывается глубоко лично затронутым, комический потенциал резко снижается и во многом зависит от того, насколько серьезно (или несерьезно) высказана негативная оценка и на сколько она затрагивает личностное пространство непосредственных участников.

Что касается лингвостилистических средств реализации иронии, то в приведенных примерах нет ни одной стилистически маркированной лексемы (за исключением разговорного *ubertrumpfen* в (5)), ни одной стилистической фигуры, которые бы способствовали выражению комического эффекта, при этом ироническая тональность высказываний проявляется достаточно четко.

Не только универсальные знания о вещах, явлениях, категориях, но и знания о возможных отношениях между ними могут вступать в противоречие с имеющейся в тексте информацией, порождая текстовую некогерентность и иронический смысл. Иллюстрацией подобного типа когнитивного диссонанса являются следующие примеры:

(7) „*Manchmal ging er <Musiker aus Boston> mir auf die Nerven wie alle Künstler, die sich für höhere oder tiefere Wesen halten, bloß weil sie nicht wissen, was Elektrizität ist.*“ (М. Frisch, Homo faber, p. 39)

(8) „*Eines morgens, als ich mit dem Baptist frühstückte, setzt Sabeth an unseren Tisch, was mich aufrichtig freut, <...>. Sie reden vom Louvre in Paris, den ich nicht kenne, <...>. Wozu fasst er das*

Mädchen an? Bloß weil er ein Kenner des Louvres ist?“ (M. Frisch, Homo faber, p.77)

(9) „Außer besorgten Depeschen brachte der demonstrative Auftritt <von dem deutschen Kaiser in Marokko> nichts ein. <...> Doch **bleibenden Eindruck hat einzig des Kaisers im Sonnenglast blitzender Helm hinterlassen**. Die hiesigen Kupferschmiede haben ihn fleißig nachgebildet und auf alle Märkte gebracht. Noch lange – <...> – konnte man in den Souks von Tanger und Marrakesch die preußischen Pickelhauben en miniature und überlebensgroß als Souvenir, aber auch als **nützlichen Spucknapf kaufen**; mir ist bis auf den heutigen Tag solch eine Haube, die mit dem Pickel in einer Sandkaste steckt, von Nutzen.“ (G. Grass, Mein Jahrhundert, p. 23–24)

Знание о возможных связях, взаимозависимостях и отношениях между вещами принадлежит к энциклопедическому знанию человека, которое помогает ему верно определять причинно-следственные отношения в мире и свойства вещей, как результат этих отношений. Это знание имеет типизированный характер и применимо к любой категории вещей, известных человеку. «Насильственное» установление связи между вещами, явлениями и т. п., знание о которых, однако, противоречит какой-либо причинно-следственной зависимости, ведет к конфликту, к противоречию и может стать основой иронического смысла.

В (7) это «насильственная», или алогичная, причинная связь устанавливается между свойством возвышенности человеческой природы и отсутствием знаний об электричестве, в (8) между возможностью прикасаться к девушке и знанием Лувра, в (9) между свойством вещи оставлять неизгладимое впечатление и ее утилитарным применением (в тексте – в качестве плевательницы). Отсылка к абсурдной причине нивелирует и значимость самого объекта, меняя знак оценки (и само свойство) на противоположное: в (7) и (8) – это напыщенная недалекость, в (9) – отсутствие действительной значимости.

Текстовый фрагмент (9) интересен еще и тем, что оценка, которую в результате авторской иронии получает кайзеровский шлем, а именно отсутствие действительной значимости (несмотря на все его сияние) для марокканцев, переносится в тексте на обладателя шлема – немецкого Кайзера (в тексте главы эта оценка поддержи-

вается и другими стилистическими средствами). Это обстоятельство является закономерным и для иронических высказываний. Вне зависимости от типа объекта оценки авторская ирония в любом случае будет направлена на обладателя этого объекта – как правило, человека. Объясняется это уже упоминаемым нами выше свойством оценки, относящимся к одной из максим восприятия, или принципу *Transfer ad Actor*.

Кроме выше проанализированных нами выделен еще один тип текстовой некогерентности, в основе которой лежит противоречие между утверждаемой ценностью вещи и существующей системой ценностей и норм.

(10) „An dieser Stelle habe ich das Büchlein <...> schon zugeklappt und mich gefragt, wie die Geschichte weitergehen könnte. So sonnig wird und darf es, hab ich mir gesagt nicht bleiben, es widerspräche nicht nur der Erfahrung, es widerspräche auch **der sadomasochistischen, das heißt der jüdisch-christlichen Tradition**, in der sich immer dort, wo Erdenglück sich breitmacht, Gottes Faust hebt.“ (M. Werner, Bis bald, p. 96)

(11) „An dieser Stelle habe ich das Buchlein zugeklappt und weggelegt und mich gefragt, wie die Geschichte weitergehen konnte. So trostlos wird und darf es, hab ich mir gesagt, nicht bleiben, dies widersprache zwar nicht der Erfahrung, wohl aber **der judisch-christlichen Tradition**, in welcher immer dort, wo Elend ist, die Gnade des Allmächtigen gleichsam im Startloch sitzt.“ (M. Werner, Bis bald, p. 98)

Оба отрывка взяты из одного произведения и отделены в тексте лишь несколькими страницами. И в том, и в другом объектом иронии становится христианская вера. Традиционное в европейской культуре отношение к христианству и его положениям как к ценности, имеющей культурную и общечеловеческую значимость, вступает в противоречие с авторской характеристикой, выраженной в (10) прилагательным *sadomasochistisch*, а в (11) употреблением разговорно-фамильярного выражения *im Startloch sitzen* по отношению к милости Всевышнего. Кроме того и сама интерпретация распространенного в христианской традиции развития событий звучит иронично в результате зеркального соотношения этих текстовых фрагментов.

Как показывает анализ, иронические высказывания представленного типа отсылают к

знаниям типичного, или универсального характера – знаниям лексической и концептуальной семантики, знаниям о вещах и их взаимосвязях, знанием о принятых в обществе ценностях и нормах. Именно в силу своей универсальности это знание осознается как представленное в тексте, в его семантике. Этим выделяемые нами иронические высказывания первого типа отли-

чаются от иронических высказываний, основанных на дискурсивной некогерентности, отсылающих к знаниям дискурсивного плана как условие понимания иронического смысла.

29.09.2014

Список литературы:

1. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: коллективная монография / Ю.М. Малинович [и др.]; ред. и общ. науч. рук-во Ю.М. Малиновича. – Москва; Иркутск, 2003. – 251 с.
2. Кашкин, В.Б. Существует ли рецепт иронии? (на материале русского и итальянского языков) / В.Б. Кашкин, К.М. Шилихина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3. – С. 98–106.
3. Clyne, M. Einige Überlegungen zu einer Linguistik der Ironie / M. Clyne // Zeitschrift für deutsche Philologie 93, 1974. – P. 343–355.
4. Hartung, M. Ironie in der Alltagssprache. Eine gesprachanalytische Untersuchung / M. Hartung. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. – 198 p.
5. Lapp, E. Linguistik der Ironie / E. Lapp. – Tübingen: Narr, 1992. – 189 p.

Список использованных литературных источников

1. Frisch, M. Homo faber / M. Frisch. – Frankfurt a. Main: Suhrkamp Verlag, 1977. – 203 p.
2. Grass, G. Die Blechtrommel. In: Grass G. Danziger Trilogie. 3. Auflage / G. Grass. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1999. – P. 5–447.
3. Grass, G. Mein Jahrhundert. 3. ungekurzte Ausgabe / G. Grass. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2002. – 383 p.
4. Werner, M. Bis bald. 11. Auflage / M. Werner. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2009. – 223 p.

Сведения об авторе:

Солодилова Ирина Анатольевна, декан факультета филологии и журналистики
Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент

460018, Оренбург, пр-т. Победы 13, ауд. 4112, тел.: (3532) 372430, e-mail: solodilovaira@rambler.ru